

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ—
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АН СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

С. М. БАЦИЕВА

Арабистика

(1818—1917)

Стремление познакомиться с арабской культурой и арабским языком возникло в России в последней четверти XVIII в. Все более активизировавшаяся восточная политика России не только настоятельно предъявляла определенные требования к профессиональной подготовке ее исполнителей, но и содействовала развитию в русском обществе интереса к мусульманскому Востоку. Вместе с множеством восточных апологов, лишь мистифицировавших арабским происхождением, появляются русские переводы с европейских языков сказок «Тысячи и одной ночи» (1760—1790), а также Корана, два новых перевода которого были изданы в конце века наряду с переводом 1716 г.¹ Значение изучения восточных источников для истории России было известно еще со времен Т.-З. Байера, а к началу XIX в. отечественная историография в силу ряда политических и социальных причин стала предметом особой заботы не только АН, но и правительства. Накопленный в Петербурге нумизматический и эпиграфический материал восточного происхождения, собранный на территории России, открывал, как казалось, новые перспективы, создававшие в 1818—1823 гг. благоприятные возможности для изучения Востока. В числе востоковедных дисциплин арабистика заняла тогда едва ли не первое место.

В 1818 г. начал арабистическую работу в АМ Х. Д. Френ. Тогда же в Главном педагогическом институте, преобразованном в 1819 г. в университет, начал преподавать арабский язык и словесность ученик Сильвестра де Саси — Ж.-Ф. Деманж, которого в 1822 г. сменил О. И. Сенковский (до 1847 г.), долгое время единственный из русских арабистов, знавший арабские страны по личным наблюдениям и преподававший разговорный арабский язык. В 1823 г. было учреждено Учебное отделение восточных языков при Азиатском де-

¹ Крачковский, Очерки, стр. 41; его же, Русский перевод Корана в рукописи XVIII в., — Избр. сочинения, т. I, стр. 176.

партаменте МИДа, где арабский язык преподавал перешедший из университета Ж.-Ф. Деманж.

В 1819—1828 гг. было положено начало обширной коллекции арабских рукописей в Петербурге. Ее основой стало ценнейшее собрание рукописей Руссо, приобретенное у него для АМ двумя партиями в 1819 и 1825 гг. После покупки этой коллекции общее число мусульманских рукописей в музее достигло 851 единицы. Значение этого приобретения трудно переоценить. Как отмечает В. И. Беляев, «в последующее время, несмотря на поступление больших и интересных коллекций, заключающих отдельные экземпляры чрезвычайной ценности, этот первоначальный фонд никогда не был превзойден ни по великолепному подбору ценных и редких рукописей, сосредоточенных в одной коллекции, ни по высокому значению, которое представляет для науки вся коллекция Руссо»².

В 1828 г. Учебное отделение восточных языков приобрело превосходную коллекцию преимущественно арабских рукописей, собранную русским посланником в Константинополе А. Я. Италинским. Позднее арабские рукописи этой коллекции были описаны В. Р. Розеном и Д. Г. Гинцбургом. В 1921 г. эта коллекция вошла в собрание АМ. Немалое количество арабских рукописей поступило в те же годы в Публичную библиотеку. Но коллекции арабских рукописей в неакадемических учреждениях никогда не имели того значения ни по объему, ни по качеству, какое имела и поныне сохранила арабская коллекция АМ³.

В своих очерках по истории русской арабистики И. Ю. Крачковский, обращаясь к первой половине XIX в., писал: «1818 год мы имеем право считать началом новой эры нашей арабистики... С тех пор до настоящего времени в северной столице были обеспечены два необходимых условия развития арабистики: непрерывность научного преподавания арабского языка в высшей школе и постепенное расширение доступных для исследования рукописных материалов. Трудно сказать, что сыграло большую роль в прогрессе нашей науки, но можно с уверенностью утверждать, что до середины XIX в., когда умер Френ (1851) и был открыт Факультет восточных языков (1855), во главе научной арабистики стоял Азиатский музей и неотделимый от него Френ»⁴.

Деятельность Френа в АМ была достаточно многообразна, и здесь обращено внимание лишь на ее арабистический аспект, в котором можно выделить: а) работы, связанные с хранительскими функциями, б) работы, явившиеся результатом

² В. И. Беляев, Арабские рукописи в собрании ИВАН,—УЗИВАН, 1953, т. VI, стр. 55.

³ Подробно о сложении рукописной коллекции АМ—ЛО ИНА АН СССР см. «Путеводитель».

⁴ Крачковский, Очерки, стр. 70—71.

нумизматических и эпиграфических исследований, в) работы, отразившие результаты изучения арабских источников.

Около 8 лет Френ был и директором и единственным сотрудником АМ. На его долю выпали разбор и систематизация десятков тысяч восточных монет, множества вещей с арабографичными надписями и, наконец, арабских, персидских и турецких рукописей. Последнее было начато им еще в 1819 г., сразу же после приобретения первой коллекции Руссо,— популярную статью о рукописях этого собрания Френ опубликовал в приложении к «Санкт-Петербургским ведомостям»; в 1826 г. там же была опубликована статья о другой коллекции. Краткие сообщения о новых поступлениях рукописей и в дальнейшем продолжали систематически публиковаться. Вместе с тем Френ подготовил оставшийся неизданным инвентарный каталог мусульманских рукописей АМ, хранящийся сейчас в ЛО Архива АН СССР и не утративший значения для изучения истории формирования коллекции.

С 1826 г. на должность хранителя в АМ был зачислен арабист М. Г. Волков (1800—1846), в течение 20 лет помогавший Френу в обработке мусульманских фондов.

Распределяя свое время между работой над рукописями и обработкой огромной коллекции восточных монет АМ, уже в 1818 г. насчитывавшей 20 тыс. единиц, Френ долгие годы отдавал предпочтение монетам. Выделив из них 2264 экземпляра, заслуживающих описания, Френ посвятил им первый том своего каталога (второй том так и не был подготовлен), которым и было положено начало восточной нумизматике в России (1826). Этот том, известный в научном обиходе под названием «Рецензия»⁵, открыл целый мир «мухаммеданской нумизматики в отношении к русской истории», а для тогдашнего востоковедения стал «энциклопедией нумизматических данных, важных для истории, географии, хронологии и генеалогии»⁶.

Продолжив публикацию вновь поступающих в АМ монет в особых «Прибавлениях к Рецензии», Френ посвящает наиболее интереснымкладам и коллекциям несколько книг⁷, вышедших в 1830—1840 гг., а в 1841 г. монографией «Топографическое обозрение местонахождений древних арабских монет в России» подводит историографический итог 34-летней нумизматической работе, начатой еще в Казани (1807—1817).

⁵ «Recensio numorum muhammedanorum Academiae Imp. Scient. Petropolitanae», Petropoli, 1826.

⁶ П. Савельев, О жизни и ученых трудах Френа, СПб., 1855, стр. 11.

⁷ Мы называем лишь основные работы, не перечисляя всех монографий и статей; подробную библиографию работ русских дореволюционных арабистов см. в кн.: Ливотова и Португаль, Востоковедение.

В «Топографическом обозрении» Френ собрал все известные ему сведения о местах находок куфических монет IX—X вв. в России. Впервые на огромном фактическом материале была сделана попытка решить вопрос о торговых сношениях древней Руси со странами мусульманского Востока. Разработка этой весьма немаловажной для древнерусской истории проблемы, переросшей вскоре в проблему возникновения денежного обращения на Руси, посвятили много труда и талантливейшие ученики Френа — П. С. Савельев, В. В. Григорьев, В. Г. Тизенгаузен. Вплоть до появления «Топографии» А. К. Маркова⁸ «Топографическое обозрение» не утратило своего значения, и лишь труды Р. Р. Фасмера по периодизации обращения куфических монет в Восточной Европе (1925—1927) показали, насколько оно устарело.

Положение хранителя АМ и личные интересы ученого побудили Френа продолжить и эпиграфические исследования, первый опыт которых он приобрел в Казани. Эта сторона его деятельности уже получила оценку в истории отечественного востоковедения: «Через два года после образования Азиатского музея в Записках Академии наук появились девять статей с исследованием редких памятников арабоязычной письменности, а среди них три посвящены предметам, возникшим или найденным в нашей стране. Ценность статей не исчерпывается всесторонним описанием, тонким анализом техники, шрифта и историческими выводами. Важно, что Х. Д. Френ поставил на очередь публикацию предметов редкого значения, причем некоторые из них почти сто лет оставались неизвестными в стенах Кунсткамеры»⁹.

Еще при жизни Френа, после основания Археолого-нумизматического (затем Археологического) общества (1846), а особенно его Восточного отделения (1851), центр нумизматической и эпиграфической работы переместился из АМ во вновь созданное общество. Не в малой степени этому содействовала энергичная деятельность ученика, продолжателя и биографа Френа — П. С. Савельева, одного из членов-учредителей общества, а в 1851—1858 гг. — секретаря Восточного отделения. С выходом в свет первого тома ЗВОРАО (1855) это первенствующее положение было окончательно упрочено.

Остается отметить еще одну область, где Френ выступил не только как пионер, но и как основатель одного из важнейших направлений отечественной арабистики: им было положено начало привлечению арабских источников для изучения истории России. Этой теме посвящен труд об Ибн Фадла-

⁸ А. К. Марков, Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических), СПб., 1910.

⁹ В. А. Крачковская, Эпиграфика на арабском языке в России до 1850-х гг., — СВ, т. VI, 1949, стр. 281.

не (1823), который П. С. Савельев по справедливости назвал вместе с «Рецензией» «главным выражением ученой деятельности Френа»¹⁰. Первые сведения об этом арабском путешественнике были извлечены из «Географического словаря» Якута датским ученым Л. Расмуссенем (1814). «Однако все же заслуга создания действительно капитального труда по изучению Ибн Фадлана принадлежит акад. Х. Френу... Х. Френ едва ли смог бы осуществить свою задачу, если бы к тому времени, а именно в 1819 г., в Азиатском музее не была получена почти полная рукопись сочинения Якута из собрания Руссо»¹¹. Уже в 1822 г. Френ издал по тексту этой рукописи, хранившейся в АМ, сообщение Ибн Фадлана о хазарах и башкирах (с латинским переводом и комментариями, содержащими параллельные арабские тексты Ибн Хаукаля и некоторых других авторов). В следующем году вышел капитальный труд, посвященный повествованию Ибн Фадлана о русах¹². Позднее Френ издал отрывок из Ибн Фадлана о булгарах (1832), завершив этим публикацию обнаруженных им у Якута сведений, принадлежащих Ибн Фадлану.

Наиболее полную оценку проделанной здесь Френом работы дал уже в начале нового столетия В. Р. Розен: «Читая эти работы теперь, спустя более 70 лет после их появления, сравнивая их с работами, посвященными тому же или аналогичным предметам, не знаешь, чему больше удивляться — глубокой ли и всесторонней учености Френа, критическому ли его умению при обращении с испорченными текстами или же его осмотрительности и осторожности, не переходившими, однако, в нерешительность и не исключавшими известной, вполне законной в научных работах такого характера смелости при толковании и объяснении показаний арабских авторов. Как в 1823, так и в 1902 году авторитет исследования Френа остается незыблемым и непоколебленным»¹³.

Подводя итоги, с которыми русская арабистика в Петербурге вступила во вторую половину XIX в., следует еще раз подчеркнуть, что если ее возникновение и развитие в АМ целиком связаны с трудами Френа, то ее перспективы, хотя бы и не непосредственно, зависели и от деятельности Сенковского. «Сочетание двух этих фигур,— замечает И. Ю. Крачковский,— совершенно различных по приемам работы, по научному темпераменту, наконец, по возрасту, создавало какое-то

¹⁰ Савельев, О жизни и ученых трудах Френа, стр. 32.

¹¹ [А. П. Ковалевский], Путешествие Ибн Фадлана на Волгу, М.—Л., 1939, стр. 11.

¹² «Ibn-Fozlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älteren Zeit. Text und Uebersetzung mit kritisch-philologischen Anmerkungen von C. M. Frähn», St.-Pbg., 1823.

¹³ В. Р. Розен, Прологомена к новому изданию Ибн-Фадлана, — ЗВОРАО, т. XV, 1902, стр. 40—41.

своеобразное единство в нашей арабистике и вообще востоковедении 20—30-х годов... Учеников у Сенковского по университету в области арабистики было много, но — показательная черта — только те из них, которые попадали в орбиту воздействия Френа, оставили след в науке, а иногда являлись и его продолжателями. Таким был упомянутый уже помощник Френа — М. Г. Волков (выпуска 1823 г.), такими были три крупнейших представителя этой плеяды — историк Востока В. В. Григорьев, археолог-нумизмат П. С. Савельев (оба выпуска 1832 г.), историк Золотой Орды, нумизмат и знаток реалий В. Г. Тизенгаузен (выпуска 1848 г.); все трое — прямые продолжатели некоторых линий работ Френа»¹⁴.

После смерти Френа, основания Факультета восточных языков в университете и перемещения части востоковедной работы в ВОРАО арабистика не сохранила сильных позиций в АМ, и он утратил значение научного центра. «Академия наук в этом периоде в арабистике особой организующей роли не играла в противоположность первой половине XIX в. Премник Френа Б. А. Дорн (1805—1881), трудолюбивый и разносторонний востоковед, не мог в этом отношении заменить его; Розен направил свою энергию на Восточный факультет и Восточное отделение; после его смерти (1908) кафедра в академии оставалась незамещенной до первых лет революции (1921). Азиатский музей ограничивался ролью книгохранилища и тоже только после революции начал опять приобретать значение организующего центра»¹⁵.

Смерть Френа и Волкова внесла изменение в личный состав, но не в штаты АМ. Его новый директор, акад. Б. А. Дорн, по-прежнему единственным сотрудником имел хранителя, место которого в 1846—1882 гг. занимал младший сын Х. Д. Френа — Роберт Френ. Добросовестно выполняя обязанности хранителя, он не оставил, однако, каких-либо печатных работ. Что же касается арабистических интересов самого Дорна, то они не занимали основного места в его деятельности. Исчерпывающую характеристику многолетней арабистической работы Дорна в АМ (1842—1881) дал И. Ю. Крачковский: «При больших научных заслугах в разнообразных и широких областях востоковедения, особенно в иранской филологии, Дорн сделал многое и для арабистики. Наметив в своей академической речи (1839) серьезно и обоснованно главнейшие задачи русского востоковедения, он большое внимание по примеру Френа уделил в своих работах восточным, в частности арабским, источникам, особенно по истории Кавказа и Каспийского побережья. Его многочисленные монографии в этом направлении, кончая широко

¹⁴ Крачковский, Очерки, стр. 77—78.

¹⁵ Там же, стр. 142.

известным „Каспием“ (1875), и до сих пор сохраняют важное значение... Дорн много сделал в своеобразной области изучения арабских астрологий, посвятив им ряд отдельных, иногда больших и глубоко захватывающих материал исследований (1838, 1841, 1844, 1865). Благодаря его тщательной библиографической работе в Азиатском музее мы располагаем почти полным репертуаром ранней мусульманской печати, в частности и арабской, особенно в Казани (1866), а в известной степени и вообще на Ближнем Востоке... Трудясь, как всегда, упорно и неустанно и в области арабистики, Дорн все же не мог явиться ее организатором, как в свое время Френ с Азиатским музеем; постепенно, хотя не сразу, она подготовила себе новый очаг на Факультете восточных языков»¹⁶.

Именно с Факультетом восточных языков связаны деятельность В. Ф. Гиргаса и начало деятельности В. Р. Розена. В стенах факультета главным образом благодаря усилиям Розена в конце XIX — начале XX в. были подготовлены те кадры русских востоковедов, которые определили впоследствии будущее своей науки, и прежде всего ее наиболее близкой Розену отрасль — арабистики.

На факультете началась и научная деятельность В. Р. Розена — защита магистерской диссертации о древнеарабской поэзии (1872), доцентура (1872—1879), в годы которой Розен не только преподавал арабский язык и литературу, но и совместно с Гиргасом подготовил основное пособие для студентов-арабистов, сохранившее свое значение до сих пор, — две «Арабские хрестоматии». В 1883—1908 гг., будучи профессором университета, а в 1893—1902 гг. — деканом Факультета восточных языков, Розен делил свое внимание между университетской кафедрой и делами ВОРАО, во главе которого он стоял с 1885 г. до своей смерти. Именно в Восточном отделении наиболее полно проявился талант Розена как крупнейшего организатора науки. Основанные им «Записки Восточного отделения» (1886), 17 томов которых вышли под его редакцией, образовали тот специальный периодический орган, сравнимый с лучшими западноевропейскими востоковедными журналами, которого не доставало русским востоковедам. «Записки», объединив и сконцентрировав на своих страницах основную научную продукцию, созданную в России в конце XIX — начале XX в., сделали больше для формирования современной научной школы в русском востоковедении, чем любое из учреждений, существовавших до того. И в этом несомненная заслуга их редактора, под непосредственным воздействием которого формировалась область интересов отечественного востоковедения.

¹⁶ Там же, стр. 88.

Будучи на протяжении едва ли не четверти века наиболее авторитетным представителем русского востоковедения, в том числе и академического, В. Р. Розен уделил непосредственной деятельности в составе академических учреждений сравнительно немного лет. 16 февраля 1879 г. В. Р. Розен был избран адъюнктом АН «по части мухаммеданских языков и словесности»; с 19 мая 1881 г. по 8 марта 1882 г. он был директором АМ, после чего выбыл из АН. Однако для личной научной работы В. Р. Розена эти годы были весьма плодотворными.

В 1881 г. Розен издал первое описание части арабской рукописной коллекции (300 номеров) АМ, которое положило начало вместе с изданным четырьмя годами ранее описанием арабских рукописей Учебного отделения Азиатского департамента МИДа до сих пор не завершеному полному научному описанию собрания арабских рукописей АМ — ЛО ИВ¹⁷. Другое исследование тех лет, которое по праву можно считать его главным научным трудом, было обязано счастливой находке в Парижской Национальной библиотеке во время командировки 1879 г. Еще до того внимание В. Розена привлекли статьи русских византистов А. А. Куника и В. Г. Васильевского, в которых отмечалась важность сообщений арабских историков (Ибн ал-Асира и ал-Макина) для византийской истории. И вот в Париже Розен находит неизвестный до того исторический труд Яхьи Антиохийского, послуживший источником сведений ал-Макина о событиях в Византии X в., а также важный для истории Египта во времена фатимидского халифа ал-Хакима (996—1021). Извлечение, перевод, историографическая характеристика и подробнейший комментарий важнейших отрывков из этого сочинения и стали темой капитального труда, защищенного в 1883 г. как докторская диссертация¹⁸.

В 1881 г. после смерти Дорна, а до того — А. Шифнера и М. Броссе Розен остался единственным представителем востоковедения в АН. К сожалению, его столь плодотворно начатая деятельность в АН была прервана конфликтом с тогдашним ее руководством. Причины этих разногласий корени-

¹⁷ V. Rosen, *Les manuscrits arabes de l'Institut des langues orientales*, St.-Pbg., 1877; его же, *Notices sommaires des manuscrits arabes du Musée Asiatique. Première livr.*, St.-Pbg., 1882.

¹⁸ «Император Василий Болгаробойца. Извлечение из летописи Яхьи Антиохийского. Издал, перевел и объяснил В. Р. Розен», СПб., 1883. Подробную оценку этого труда см. в ст.: А. Ю. Якубовский, *Розен как историк*, — сб. «Памяти академика В. Р. Розена». Статьи и материалы к сорокалетию со дня его смерти (1908—1948), М.—Л., 1947, стр. 26—30, где особо подчеркивается, что «в своей совокупности „примечания“ Розена к арабскому тексту Яхьи Антиохийского — свод необходимых сведений не только по византийско-арабским отношениям, но и по культурной и политической истории ряда стран, в том числе Армении и Грузии X—XI вв.».

лись в ненормальной обстановке, существовавшей в АН и побудившей ряд ее членов обратиться к президенту с заявлением о необходимости пересмотра ее Устава¹⁹.

Значение деятельности Розена для отечественной арабистики наиболее полно оценено И. Ю. Крачковским: «Имея учителями крупнейших ориенталистов, Розен тем не менее значительно превзошел их широтой своего арабистического кругозора, а в выработке научной индивидуальности более всего обязан самому себе. И здесь сравнение с Френом кажется далеко не случайным. В некоторых областях Розен даже продолжал линии, намеченные Френом. Как Френ, он уделял большое и систематическое внимание разработке рукописных сокровищ. Он оказался счастливее Френа, и четыре тома его классических описаний увидели свет (1877, 1881, 1885, 1886)... Однако второй выпуск каталога арабских рукописей Азиатского музея им не был закончен, так как эта работа не встретила интереса в тогдашней Академии наук. Как Френ, значительную часть своих изысканий Розен направил в сторону арабских источников, связанных с Восточной Европой. Исследования, посвященные им географу ал-Бекри (1878, 1903) и путешественнику Ибн Фадлану (1904), в известной мере остаются непревзойденными. Темы, намеченные Френом, он расширил изучением Византии, впервые осветив в полном объеме значение трудов христианско-арабских источников Йахьи Антиохийского (1833) и Агапия Манбиджского (1884). Касаясь в своих работах самых разнообразных вопросов арабистики, он не ограничивал себя узко темами, относящимися к России, а систематически подчеркивал, что арабистика не имеет права считаться у нас провинциальной местной наукой; она должна уметь с достоинством высказывать свое суждение по всем вопросам, встающим в мировом масштабе, и принимать участие в их решении»²⁰.

После ухода Розена из АМ арабистическая работа там практически замерла на долгие годы. Однако следует иметь в виду, что период, когда директором был К. Г. Залеман (1890—1916), отмечен небывалым до того ростом рукописных коллекций, в том числе и арабских; даже простая каталогизация поступавших рукописей требовала громадного труда, часто физически невыполнимого для нескольких сотрудников музея (самого К. Г. Залемана; хранителя — известного египтолога и коптоведа О. Э. Лемма и ираниста Ф. А. Розенберга, «работавшего по найму» с 1902 г., а с 1912 г. — в качестве старшего хранителя). До 1916 г. «круг обязанностей, лежавших на работниках музея, был почти безграничен и

¹⁹ Подробнее о причинах ухода В. Р. Розена из АН и связанных с этим событиях см.: Письмо акад. Я. К. Гроту, — сб. «Памяти академика В. Р. Розена», стр. 117—128.

²⁰ Крачковский, Очерки, стр. 100.

никак не дифференцировался²¹. Лишь ничтожная часть этого труда находила отражение в печати. Очень редко для работников АМ «время и обстоятельства позволяли завершить научную обработку отдельных экземпляров какой-либо коллекции. Обыкновенно это выпадало на долю более счастливым ученым, не служившим в Азиатском музее»²². Не был завершен и задуманный К. Г. Залеманом сводный каталог мусульманских рукописей музея (*Catalogus Catalogorum*)²³.

Возрождение арабистики в АМ целиком связано с деятельностью ученика и продолжателя дела В. Р. Розена — И. Ю. Крачковского, открывшего новую эпоху в истории отечественной арабистики. Однако главная деятельность И. Ю. Крачковского по организации арабистики в академии на новой широкой основе падет на послеоктябрьский период.

Здесь же следует отметить, что, познакомившись с арабскими рукописями АМ еще в студенческие годы (1903) и работая затем в его стенах над магистерской диссертацией (1906—1908), посвященной поэту X в. ал-Вава, две рукописи которого находились в музее, Крачковский лишь в 1916 г. занял здесь штатное место сотрудника — заведующего Мусульманским отделом. Приглашение Крачковского на эту должность было связано с особыми обстоятельствами, которые были им охарактеризованы впоследствии, как и весь начальный период его деятельности в АМ: «В конце 1916 г. Залеман умер; между тем систематически поступавшие в связи с войной спасенные на Кавказском фронте в большинстве арабские рукописи все настойчивее говорили о необходимости арабиста в Азиатском музее. Новый директор, С. Ф. Ольденбург, пригласил меня в декабре 1916 г. в первую очередь для работы над ними»²⁴. Уже в первые шесть месяцев Крачковский приводит в порядок около 1050 арабских рукописей, полученных с Кавказа, и составляет список главных из них, где наряду с заглавием отмечает даты написания и сообщает сведения об их регистрации в европейских пособиях. Дается и общая характеристика коллекции²⁵.

²¹ И. Ю. Крачковский, Ф. А. Розенберг (1.III.1867—5.VI.1934). Некролог, — Избр. сочинения, т. V, стр. 373.

²² Там же.

²³ А. Г. Периханян, Карл Германович Залеман, — ОИРВ, IV, М., 1959, стр. 105.

²⁴ И. Ю. Крачковский, Над арабскими рукописями, — Избр. сочинения, т. I, стр. 63.

²⁵ И. Ю. Крачковский, Арабские рукописи, поступившие в Азиатский музей с кавказского фронта, — Избр. сочинения, т. VI, стр. 383—422. Еще до начала работы в АМ по инициативе К. Г. Залемана, неоднократно обращавшегося к Крачковскому за арабистическими консультациями, им была подробно охарактеризована рукопись пятого тома истории Ибн Мискавейха, приобретенная для АМ В. А. Ивановым в Бухаре (1915) (см.: И. Ю. Крачковский, Новая рукопись пятого тома истории Ибн Мискавейха, — Избр. сочинения, т. VI, стр. 373—382).

Другой большой работой Крачковского стал разбор бумаг В. Р. Розена, переданных в 1917 г. в АМ. «Зимой 1917/1918 г. была составлена их опись, опубликованная в 1918 г. Она не имела в виду задач архивной точности и полноты, но все же предоставила всем интересующимся возможность быстро обозреть и ориентироваться в богатом материале»²⁶.

Подводя итоги длительному периоду развития отечественной арабистики в АН, начало которому положила деятельность Френа в Азиатском музее, а уровень с 80-х годов XIX в. был определен деятельностью В. Р. Розена и его учеников, И. Ю. Крачковский писал: «За сто лет наша арабистика догнала западную науку; создав свою собственную рукописную базу и серьезную библиотеку, она имела теперь свой восточковедный орган, она обладала достаточным по тому времени контингентом подготовленных специалистов и для преподавания и для поддержки самостоятельной научной традиции, она пользовалась почетным признанием на Западе»²⁷.

²⁶ И. Ю. Крачковский, Рукописное наследие В. Р. Розена и его разработка за 30 лет,— Избр. сочинения, т. V, стр. 441.

²⁷ И. Ю. Крачковский, Очерки, стр. 105.